

Оглавление

- 11 О земле
- 16 Первобытные инстинкты
- 21 Внеэкономические основания города
- 26 Жертва борьбы
за приращение капитала
- 28 Эксперимент
- 35 В защиту индивидуальности
- 39 Акрогород
- 44 Перемены
- 47 Бурлящий водоворот,
устроенный властителями
- 51 Силы, разрушающие город
- 54 Новая мера пространства
- 57 Суть движущих сил современности
- 61 Что же на самом деле означает
транспортная проблема
для человека на городской улице
- 71 Новая концепция роскоши
- 73 Какая современная концепция
предлагает выход?
- 80 Современная архитектура
- 84 Архитектор
- 87 Истинное искупление
- 88 Общее представление
об Акрогороде будущего
на основе новой меры пространства
- 97 Архитектура и земельные
наделы как часть ландшафта
- 100 Главные автострады
и второстепенные дороги,
озера и реки

- 103 Великий центральный вокзал
- 105 Энергетические модули
- 108 Органичная архитектура
новых зданий
- 111 Новый масштаб
- 113 Простота
- 115 Отрицание как утверждение
- 119 Как же тогда в общих чертах
будут выглядеть здания Акрогорода?
- 119 Жилье для работника
- 127 Работник на своей земле
- 129 Пахарь и животновод
- 136 Децентрализация
и интеграция фабрик
- 137 Офисы в новом городе
- 141 Магазин нового типа: торговля
промышленными товарами
- 144 Техническое обслуживание
автомобилей и самолетов
- 144 Для тех, кого нынешний город
окончательно искалечил
- 145 Отель, передвижной отель
и дом кочевника
- 147 Холостяки
- 148 Гуманная больница
- 149 Университет: универсальность
- 151 Общественный центр
- 152 Театр
- 152 Новая церковь
- 153 Центр дизайна
- 159 Новая школа: учитель
и его питомцы
- 162 Новый дом в Акрогороде

- 163 Три слова
- 164 Современный дом
- 166 Пусть все работает
- 167 Новая и органичная простота
- 169 Типичные примеры
- 169 В заключение
- 175 Время пришло
- 178 Эволюция

Исчезающий город

О земле

Понимание ценности нашей земли как унаследованного человечеством дара практически утеряно сегодня жителями тех городов, которые возникли в результате процесса централизации. Ведь именно централизация способствовала чрезмерному переуплотнению всех этих городов. Городское счастье правоверного горожанина состоит в том, чтобы жить в тепле и тесноте в согласии с людскими толпами. Переродившийся в многоглазого Аргуса, зачарованный вечным коловращением, словно дервиш, городской житель чувствует, как голова его идет кругом от суеты и механического рева большого города, которые полнят слух точно так же, как пение птиц, ветер в ветвях, крики животных, голоса и песни любимых когда-то полнили сердце.

В своем положении он только и может, что создавать новые машины из машин, уже существующих.

Правоверный горожанин превратился в маклера, который подвизается в основном в торговле людскими слабостями, чужими изобретениями и крадеными идеями. Он тянет за рычаги, он нажимает на кнопки как представитель чей-то чужой власти — на том только основании, что разбирается в хитростях машинного дела.

К нам явился паразит духа, дервиш, кружащийся в вихре.

Бесперывное снование туда-сюда возбуждает городского жителя и одновременно лишает его умения вообразить, вдохновенно размышлять и представлять себе будущее; то есть способностей, которыми он обладал, пока жил и разгуливал под безоблачными небесами среди той зеленой растительности, чьим товарищем он был от рождения. Он променял воодушевление Книги Бытия на выхолощенное учение об абстракции. Естественные забавы среди нетронутых лесов, лугов и водных протоков — такое свободное времяпрепровождение он променял на отраву угарного газа, на груды сдаваемых внаем каморок, обычно нагроможденные прямо вдоль мостовых, на «парамаунты», «роксы», ночные клубы и подпольные питейные заведения. И ради этого он уютится в клетушке среди таких же клетушек, под пятой домохозяина, который — вот апофеоз арендных отношений! — проживает прямо над ним в каком-нибудь пентхаусе.

Правоверный горожанин сегодня — такой же раб стадного инстинкта и чувства обладания опосредованной властью, как не так давно средневековый батрак был рабом бочки крепкого эля. Социальный сорняк — просто другого типа.

Сорняки дают семена. Дети растут, их тысячами сгоняют в школы, построенные как фабрики, управляемые как фабрики и также прилежно штампующие усредненных болванов, как конвейер — ботинки.

Одаренные люди, по-настоящему продуктивно работающие в отсутствие успеха, добиваются-таки «успеха» и становятся чьими-то представителями (если только сама толпа не оказывается их ремеслом), и вот они — потенциальные спасители человечества! — оседают в городах, чтобы производить, но не творить. Слабаки!

Сама жизнь лишь тревожно квартирует в большом городе. Горожанин теряет из виду истинную цель человеческого бытия и принимает за жизнь подменное, неестественно стадное существование, которое все больше и больше мутирует в беспорядочное слепое блуждание какого-то разумного животного, своего рода привой, лихорадочную погоню за сексом как за «освобождением» от рутинной реальности среди механического гудения механических конфликтов. Тем временем ему едва удастся сохранять — искусственными методами! — собственные зубы, волосы, мускулы и телесные соки; его зрение угасает от работы при искусственном освещении; его слух нужен теперь в основном для телефонных переговоров; рискуя увечьем или смертью, он двигается теперь только навстречу или наперерез транспортным потокам. Он постоянно теряет свое время из-за других, поскольку и сам столь же регулярно растрчивает время других, пока все снуют в разных направлениях по строительным лесам, по тротуарам или под землей, чтобы попасть в какую-то очередную

клетушку, принадлежащую какому-нибудь очередному домохозяину. Вся жизнь горожанина переусложнена и одновременно выхолощена при помощи машин и медицины. Если бы разом иссякло и касторовое, и машинное масло — город тотчас перестал бы функционировать и незамедлительно исчез бы с лица земли.

Сам город стал формой истерической аренды: жизнь горожанина отдана внаем, и его вместе с семьей выселяют, как только он оказывается на мели или «система» дает сбой. Каждый человек сдает, снимает и, наконец, сам оказывается сдан внаем, если замедлит свой безумный темп. Стоит этому несчастному начать печатать шаг не в такт со своим домовладельцем, капиталовладельцем или машиновладельцем, как ему конец.

А над ним, под ним и по обеим сторонам от него и даже в самом его сердце во время сна так или иначе работает счетчик арендной платы, побуждая этого запуганного потребителя неустанно бороться против немилосердного — или во имя более-менее милосердного — увеличения выплат. Не сбиться с шага. Расплатиться вовремя. На большее он особо и не рассчитывает. Он или выплачивает долг ценой собственной свободы, или ему удается заманить в рабство других, дабы осилить те три священные выплаты, на которые он подписался в условиях нынешней великой и благодетельной лоте-

реи частной собственности. Человек, грабящий человека, — кажется, это единственная «экономическая схема», о которой он имеет хоть какое-то представление.

Однако все мощнейшие современные ресурсы, которыми горожанин естественным образом управляет посредством новейших машин, волей-неволей оборачиваются теперь — благодаря прогрессу человечества — против самого города. Система капиталистической централизации, которую городской житель сам когда-то помог выстроить, уже не работает ни для него, ни на него. Отслужив свое на благо человечества, централизация сегодня — это вышедшая из-под контроля центростремительная сила, все растущая под влиянием различных опосредованных воздействий. В своей жертве — горожанине — она все сильнее нагнетает животный страх быть выкуренным из норы, в которую он привык заползать вечером только для того, чтобы выползти оттуда на следующее утро. Естественная горизонтальность жизни исчезла, горожанин сам приговаривает себя к неестественной, бесплодной вертикальности, оказываясь поставленным на дыбы собственной неумеренностью.

Тем не менее нехватка жилья, труппобный быт и стремление к прибыли вместе норовят заковать его в оковы прямо стоя, и в этой вынужденной войне технических факторов он оказывается практически бессилен, неся на себе проклятие первобыт-

ного пещерного инстинкта — тень от стены, окружавшей поселение родового племени.

Первобытные инстинкты

Было время, когда человечество делилось на жителей пещер и кочевников. И если достаточно глубоко заглянуть в прошлое, мы, наверное, найдем там такого кочевника, перескакивающего с ветки на ветку под сенью древесной листвы и подстраховывающего себя кончиком собственного хвоста, в то время как более вялый любитель укрытий прячется в самых потайных норах и складках материи, какие он только умудрился сыскать.

Пещерный житель — это древний консерватор. Однако, скорее всего, со своей тяжелой дубиной он был даже более жесток (пусть и не более яростен), чем кочевник с его копьем.

Обитатель пещер стал со временем обитателем утесов и принялся строить города. Все воздвигнутое принадлежало ему. Его бог — истукан, еще более ужасный, чем он сам, убийца, сокрытый в пещере. Этого истукана пещерный житель возвел в ранг завета.

Его более подвижный и ловкий собрат изобрел жилище не столь громоздкое, легко приспособляемое к обстоятельствам, — походную палатку.

По мере того как времена года сменяли друг друга, он кочевал из одних земель

в другие, следуя непреложному для него закону перемен.

Искатель приключений.

Его бог был духом, ветром таким же разрушительным — или благодетельным, — как и он сам.

Так разные ветви человеческой семьи, которые, как и другие животные, повинуются стадному инстинкту, создали богов по собственному подобию. И возникла между ними обоюдная вражда.

Обитатели пещер воспитывали свой молодняк под защитой стен. Дети же кочевых племен росли под звездами в той относительной безопасности, которую могла обеспечить пространственная удаленность от врага.

Таким образом, мы можем предположить, что житель пещер плодился и размножался быстрее своего собрата. Но тем более полным бывало его поражение и более ужасными разрушения, когда его бастионы не выдерживали натиска. С ростом его мощи росла и мощь его стен. Если пещерный житель не находил подходящей пещеры, он строил ее сам. Он стал хозяином крепостей. Города изначально и были крепостями.

Его собрат видел залог своей безопасности в движении. Его защита была в скорости реакции, в умении мыслить стратегически, в физической выносливости и во всех тех навыках, которым обучила его природа.

Оба этих первобытных инстинкта человеческой расы и сегодня остаются — на таком

временном расстоянии! — нашими основополагающими инстинктами, хотя кочевые племена, по-видимому, постепенно уступили пещерным жителям с их более материальными, более постоянными способами защиты.

Но мне кажется, что идеал свободы, который снова и снова пробивается сквозь наши устои, отвергая их частично или уничтожая их целиком, в каком-то смысле восходит к первоначальному инстинкту искателя приключений — того, кто выживал не покорностью и трудом под защитой стен, но благодаря свободе и собственной отваге в свете звезд.

Возможно, однако, что две эти человеческие породы совокупились и дали жизнь породам совершенно новым. В каких-то случаях это оказался удачный сплав достоинств. В каких-то — тягостное недоразумение. В каких-то же победил (более или менее интуитивно) один из этих двух мощных, архаичных, прототипических инстинктов.

С течением времени человечество (обе породы в единении) создало то, что люди сегодня называют цивилизацией. Цивилизации, обретя самосознание, принялись настаивать на необходимости культуры и бороться за ее совершенствование. В развитии цивилизации тень стены, по-видимому, играла более важную роль, хотя и широкий небосклон искателя приключений отнюдь не исчез. По мере того как уменьшается физический страх грубого насилия и нужда в возведе-

нии крепостей, естественная тяга к свободе, присущая охотникам и кочевникам, оживает, оказываясь более уместной и оправданной, чем желание выстроить незыблемую каменную стену или забраться в самую надежную пещеру (когда-то необходимое для защиты человеческой жизни), и по сей день дремлющее в каждом промышленнике, фермере или торговце. Достижения науки и новые способы ведения войны в любом случае лишили эти защитные укрепления всякого смысла, и, возможно, ценность человека снова будет определяться скорее не тем, что он имеет, а тем, что он умеет. Таким образом, благодаря современным ресурсам зарождается человек нового типа, способный изменить окружающий мир сообразно своим желаниям и восполнить то, что он потерял, осевши навечно в «тени стены» — в большом городе.

Уже сейчас очевидно, что жизнь в идеальных условиях того, что мы называем цивилизацией, должна теперь протекать среди большей свободы передвижения, большей пространственной свободы и большего количества света. Необходима новая концепция организации пространства. И уже по нашему осознанию этой необходимости ясно, что такая концепция появилась.

Современная мобильность — один из важнейших факторов! — посредством новых видов транспорта меняет психологию жителя пещер — городского собрата, присягнувшего

на верность правителю ради спасения через веру, а не через труд. Однако для его брата-кочевника движение — вполне естественное средство достижения целей, которое возвращается к нему сегодня.

Таким образом, технический прогресс непрестанно и формирует, и разрушает человеческую натуру.

***

Однако устоявшиеся человеческие привычки умирают долго.

Любой человек — путешественник или домосед — прежде всего раб своих привычек. Привычки, основанные на первобытных инстинктах, сопротивляются всему новому, даже если оно целесообразно, и сходят на нет так же медленно, как вода точит камень.

Любые изменения жизненных условий сперва вызывают у людской массы желание защитить старый порядок: усиливается любовь к привычному и ненависть к новому.

Но определенные, долго остававшиеся в подсознании и уходящие корнями в эти первобытные инстинкты желаний, доселе не реализованные в нынешнем плотном мире централизации, постепенно вырываются наружу и находят новые средства к осуществлению в новых условиях эры машин. Как обычно, такое высвобождение желаний и появление новых средств способствует положительному восприятию нового и последующему разрушению старой жизни. Таков

алгоритм изменений человеческих привычек, вскормленных древним инстинктом.

Пример из настоящего: из поколения в поколение молодого селянина Америки* влекли развлечения, утонченность и возможности города. В городах он рассчитывал найти свою «удачу». Самые ценимые жизненные преимущества тогда еще таились в том усиленном человеческом общении и в том возбуждении, которые характерны для городской жизни. Именно поэтому, когда развитие транспорта позволило ему свободно передвигаться, он немедленно направился в сторону города, дабы реализовать свои чаяния.

Внеэкономические основания города

Концентрация населения в городах неестественным образом возросла благодаря тому, что три важнейших экономических конструкта — пережитки традиций, которые складывались в совершенно иных обстоятельствах, — были привиты к уже существовавшим способам производства и образовали самую настоящую экономическую систему. Две из трех составляющих этой но-

* В оригинале Usonia — термин, который Райт использовал для обозначения сельской Америки. (Здесь и далее — примеч. пер.)

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru